

УДК 81'37

Осипова Е.П.

(г. Москва)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «БАНЯ» В ЭТНОКУЛЬТУРЕ
РЯЗАНСКОГО КРАЯ

Аннотация. В основе статьи лежат этнокультурный и лингвокультурологический подходы к фактам современных русских народных говоров. Предметом статьи является русская баня как явление не только материальной, но и традиционной духовной культуры народа. В статье автор рассматривает архаические представления носителей рязанских говоров, связанные с печью, её ролью в различных обрядах, т. е. факты, которые находятся на периферии языкового и культурного сознания современного человека. Однако при разрушении комплекса мифологических представлений отмечается сохранение мифологической лексики.

Ключевые слова: традиционная культура, культурный диалект, этнокультура, лингвокультурологическое описание, мифологический персонаж.

E. Osipova

(Moscow)

LEXICO-SEMANTIC GROUP 'BATH HOUSE' IN ETHNIC CULTURE
OF RYAZAN REGION

Abstract. The article deals with ethnocultural and linguo-cultural approaches to the facts in modern Russian folk dialects. The object of the study is a Russian bath as a phenomenon of traditional material and spiritual culture of the nation. The author examines the archaic conception of the oven, traditional for native speakers of Rязan dialects. Besides, its role in various traditional ceremonies is analyzed. Therefore, the author studies the facts from the periphery of modern person's language and cultural consciousness. At the same time it's mentioned that along with the destruction of mythological notions the mythological vocabulary is preserved.

Key words: traditional culture, cultural dialect, ethnic culture, linguo-cultural description, mythological character.

Длительное время интересы лингвистов были в основном сосредоточены на изучении фонетических, словообразовательных и грамматических особенностей диалектной языковой системы. Лишь в последние десятилетия появилось значительное количество исследований, посвящённых лек-

сике русских народных говоров, уже не подвергаются сомнению лингвокультурологический, этнолингвистический подходы к изучению языка в целом и лексики, в особенности [2, с. 30].

При изучении словарного состава говоров лингвист должен опираться на историю изучаемого населения и явления народной жизни, так как лексика более непосредственно, чем другие явления языка, связана с элементами жизни народа, фактами материальной и духовной культуры. Именно лексика позволяет обнаружить связь с древнейшей культурой народа, его нравственным, эстетическим опытом. Обряды, отражающие архаическое мировосприятие, в значительной степени сохраняются и в настоящее время, что неоднократно отмечал в своих работах академик Н.И. Толстой [7, с. 21]. Не случайно в трудах современной этнолингвистической школы часто пользуются термином «культурный диалект».

Особый интерес вызывает диалектная лексика, сохранившая многие представления предшествующих эпох. Несмотря на то, что эти представления в наши дни могут быть отодвинуты на второй план, они всё равно ощущаются и сегодня, позволяют оценить изменения, произошедшие в культуре народа. В центре внимания автора статьи находится совмещение и взаимопроникновение языковых и культурных пластов в диалектной лексике. Хотя этот процесс давно отмечен, вряд ли отдельные исследования способны дать исчерпывающую лингвокультурную картину. Интерес вызывает тот факт, что слова общенародного языка, обозначающие бытовые понятия, вместе с тем могут выступать как культурные знаки [9, с. 84]. Предметы крестьянского быта, помимо утилитарной функции, выполняют и функцию обрядовую, будучи активно вовлечёнными в календарные и семейные праздники. Проследим это на примере одного из фрагментов культуры Рязанского края – бане.

Для каждого русского баня представляет собой ритуал, она ассоциируется не только с телесным, но и духовным очищением, в силу чего является объектом и материальной, и духовной культуры. Любовь к бане – одна из самых устойчивых традиций у русских. Вместе с тем баня представляет сложным элементом народной культуры с двойственным восприятием данного объекта диалектоносителями: с одной стороны, отмечается её защитная, очистительная функция, с другой стороны, в бане, по убеждению информаторов, главенствует нечистая сила, человек там безоружен перед «бесями», поэтому традиция не снимать нательный крест и нательный пояс, которые выполняли функцию магического оберега, способствующего благополучию и удаче того, кто его носит, сохраняется достаточно стойко [3, с. 39]. Именно с баней связаны таинства многих обрядов и обычаев (парить невесту накануне свадьбы, помещать в баню новобрачных на первую

брачную ночь, во многих населенных пунктах Рязанщины баню называют в качестве места, где девушки гадали о суженом и где проходили роды).

Как отдельное строение в крестьянском хозяйстве баня на Рязанской земле появилась в XIX в. и встречалась далеко не во всех населённых пунктах даже в начале XX в. Данные полевых экспедиций показывают, что ещё в середине XX в. география распространения бани совпадал с районом бытования среднерусского типа избы и двора («Баня у нас нету» – отмечали в деревне Плахино Захаровского района, где бытует южнорусский тип избы и двора). Баню и теперь ставят подальше от дома. Она состоит из двух помещений: одно служит для мытья, второе – для раздевания. Собственно баня имеет внутри печь *каменку* из больших камней-валунов и *полок* — помост для паренья, который занимает пространство между печью и следующей стеной. До конца XIX в. подобную печь ставили не только в банях, но и курных избах и овинах. Позже *каменной* стали называть глинобитную печь в бане [4, с. 189]. Очевидно, произошёл перенос названия по функции — процесс, часто встречающийся в лексической диалектной системе.

Бани разделяются на два типа: *баня по-чёрному* и *баня по-белому*.

Значение бани в крестьянском быту отразилось в верованиях и обрядах, богатом фольклоре. В Рязанском крае баня была местом проведения свадебных ритуалов. Накануне свадьбы совершалось важное действие, которое называется *баня невесты*, *парить невесту*, – ритуальное мытье, сопровождавшееся обрядовыми песнями и плачами. В баню ходили невеста и крёстная мать или пять-шесть подружек, которые причитали и плакали: «Днём в баню хадили, проста так плакали, кричали: жалка — падруга замуш выходит. Кричали: «Берёзавым венничком пахлыщися, сваи волосы намащися!» В тех случаях, когда баню посещали не утром или днем, а вечером, мероприятие носило название *последняя баня*: «Завтра свадьба, а нынь была баня, вечерым. В последнюю баню хадили две падружки с нею и ана. В бани невесту мыть хадили. Волас ей там чясали и пиригаваривали, а вот я ни магу сказать, чё ани там пиригаваривали»; «Завтра-т свадьба, последний вечер сабиреть падрушкаф, баня — истапила ей бабушка, у као там мать истапила» [8, с. 108]. После бани невеста благодарила мать «за тёплую баню, за мягкий венник».

В Рязанском крае отмечалось множество локальных вариантов, способствовавших возникновению специальных названий. Например, *баня невесты* происходила в конце *вечеринки*, после возвращения от жениха (относили *постель*) с подарками, среди которых обязательно было мыло, употреблявшееся при *последней бане*. Невеста также одаривала жениха, в том числе и мылом. Это обрядовое одаривание получило название *за мылом ходить*.

Есть указания на традицию совместного мытья молодых в бане после первой брачной ночи. Наши полевые исследования и печатные источники указывают, что в некоторых населённых пунктах было принято на первую брачную ночь молодых отправлять в баню [5, с. 66–67].

На Рязанщине начавшиеся роды раньше скрывали, стараются избежать огласки и сейчас. Это связано с убеждением, что затяжные и сложные роды происходят из-за посвящения в происходящее посторонних людей, поэтому роженицу стремились быстрее переместить в баню, подальше от чужих глаз: *«Ды как? Заметють, щё ана радить сабираицца: «О-ой, скарей баню тапить!» — зимой. Летам-ты жарка, вот видишь? Зимой скарей пратопють: «О-ой, в баню иё скарея, в баню!» Ну, радить, иё там вымыть. Вымыть — банка такая сидела...Я радила в доме, а патом ищё баню истапили, я в баню пашла — вот как я радила, ну, куды жа? Я вить мокра фся! Миня в баню. Там банка абмыла, я чистенька пришла. Вот...»* [8, с. 221]. Эта традиция сохранялась, по свидетельствам диалектоносителей, вплоть до Великой Отечественной войны.

Сразу после родов (в некоторых населённых пунктах через день) повивальная бабка совершала над роженицей магические действия, чтобы изгнать дурную кровь. Процедура называлась *парить роженицу* и определялась представлениями о нечистоте женщины после родов [5, с. 129].

В Рязанском крае баня играла существенную роль не только в семейной обрядности, но и в календарной. Нельзя представить рязанский обряд гадания без бани: *«Ани па адной хадили в баню: «Сужэный-ряжэный, пакажы мне жыниха, какой он будить?» Он либа же уцэпицца в варижки — эт значит багатый, лахмата рука. Или жэ уцэпицца голай: «Ой, бедный!»* [8, с. 128]. Авторы «Славянской мифологии» отмечают и такое гадание, когда девушки в приоткрытую дверь бани просовывали руку и приговаривали: *«Сужэный-ряжэный, ухвати меня голой рукой, будь мне женихом»* [6, с. 40].

В день Агриппины-купальницы (23 июня/6 июля), когда начинались ритуальные купанья, до настоящего времени сохраняется традиция заготавливать веники для бани, а прежде в купальский веник вплетали ромашку, мяту и другие лекарственные травы. В нашей картотеке есть воспоминания людей старшего поколения о лечебных банях с крапивой, отсюда и особое название этого дня у рязанцев – *Агриппина-купальница – лютые коренья*. Старые люди использовали «лютые коренья», в том числе и в целях омоложения [8, с. 215].

Подчеркнём ещё раз двойственную семантическую нагрузку, которую несла баня: с одной стороны, она давала тепло, очищение, что во многом связано с огнем, который в представлении народа обладал очищающей

силой, с другой стороны, баня могла быть местом грязным, поганым, где обитала нечистая сила: «Возьми хошь к примеру шишигу треклятую, али кикимору, али шутовку одноглазиху, да кто насупротив скажет, что не существуют они. – А где они живут? – А где, знамо, в бане» (из картотеки Словаря русских народных говоров).

В рязанских говорах одним из популярных мифологических персонажей является *банник* – дух, название которого мотивируется местом его обитания. По представлениям информаторов, живёт он за печью *каменной* или под *полком*. Это не случайно, а связано с языческими верованиями, в которых души умерших предков сближались с очагом. Этим объясняется представление, что место домового располагалось чаще всего рядом с печью. Старики вспоминают, что *банник* первый раз появляется в бане после роженицы. *Баннику* принято оставлять всё, что необходимо для мытья, дабы не привести его в раздражение – своего рода элемент задабривания. Он может причинять неприятности тем, кто приходит в баню поздно [6, с. 39–40].

Предком, прародителем могло быть мифическое существо не только мужского, но и женского рода – *бабушка*. Таковы в рязанских говорах женские персонажи в лесу, в поле, в воде, в доме, в том числе и в бане. Во многих случаях мифологические персонажи формируют чёткую оппозицию по грамматическому роду: *банник* – *банница*, *баннушка*, *банная бабушка*, *банная матушка*.

Очевидно, что некоторые диалектные лексемы, входящие в лексико-семантическую группу «Баня», принадлежат одновременно и сфере языка, и сфере культуры. Со временем многие элементы обрядов утрачиваются, но часть из них в качестве традиции сохраняется. В различных сюжетах о бане мы наблюдаем совмещение предметного (материального) значения и духовного – живую, непосредственную связь слов и понятий. Это с очевидностью свидетельствует об устойчивости магического сознания – «наиболее стабильного элемента традиционного крестьянского мировоззрения» [1, с. 221].

Литература

1. Виноградова Л.Н., Толстой Н.И. Древнейшие черты славянской народной традиции // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 196–222.
2. Летова А.М. Из истории исследования фитонимической лексики: лингвокультурологический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 2. С. 30–34.
3. Осипова Е.П. Язык рязанского костюма. Наименования предметов и деталей народной одежды в рязанских говорах // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2004. 246 с.

4. Руделев В.Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в южнорусских рязанских говорах // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1995. 221 с.
5. Русские Рязанского края / Отв. ред. С.А. Иникова. В 2 т. Т. 2. М.: Индрик, 2009. 748 с.
6. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л. Н. Виноградовой, С.М. Толстой. М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1995. 414 с.
7. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 262 с.
8. Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2001. 284 с.
9. Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 330 с.